

УДК 821.161.1-14+

ОСНОВЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МЫШЛЕНИЯ М.Ю.ЛЕРМОНТОВА И ВОСТОК

© А.З.Хабибуллина

В статье рассматривается вопрос об основах художественного мышления М.Ю.Лермонтова и его связях с Востоком. Ключевым понятием в ней является концепт судьбы как важнейший культурный концепт, который исследуется в данной работе в сопоставительном аспекте. В статье доказывается, что концепт судьбы в поэзии М.Ю.Лермонтова в онтологическом смысле сходен с теми представлениями о ней и ее разных модификациях (рок, фатум, доля), которые сложились в восточной философии и литературе (персидской, татарской). Художественное мышление русского поэта отразило, с одной стороны, его близость к Востоку, но с другой, выделило его из ключевых понятий и концептов восточного миропонимания и культуры.

Ключевые слова: художественное мышление, концепт судьбы, восточное миропонимание, диалог.

Лермонтов и восточное мирозерцание – одна из наиболее сложных и малоизученных проблем современного литературоведения. Необходимо отметить, что в филологии она исследовалась в первую очередь в аспекте связи поэта с Востоком, с изучением восточной темы в его творчестве. Именно данный аспект исследования стал определяющим в целом ряде специальных научных работ. Так, в «Лермонтовской энциклопедии» особое внимание с этой точки зрения привлекает словарная статья, посвященная главным «восточным» мотивам творчества Лермонтова, среди которых мотив судьбы, рока определяется как основной. Р.А.Гальцева – автор словарной статьи – пишет в этой связи следующее: «Судьба – признанная сила в мире лермонтовских героев и важнейший фактор мироощущения поэтов. <...> Судьба у Лермонтова, фигурирующая также под именем «рока», «жребия», «фатума», «закона», по своей сути недоброжелательна к человеку. <...> По Лермонтову, существует нерасторжимая связь между незаурядной личностью и трагической участью. Герой принимает вызов судьбы или бросает ей вызов («по судьбе я и мир презираю»), после чего завязывается борьба не на жизнь, а на смерть» [1: 311]. По-своему представление о космологии Лермонтова, его взглядах на судьбу через призму мифологических образов и христианских идей раскрывается в работе М.Степанова «Религия русских писателей (Религия М.Ю.Лермонтова) (1915) [2: 158-186].

Исследованию того же мотива посвящена статья А.Е.Коновалова «Тема рока у Лермонтова», в которой, наряду с темой судьбы и рока в восточных поэмах Лермонтова, исследуется мотив проклятия, приобретающий в его творчестве непреодолимый характер [3: 16-25].

В исследовании П.Уляшева «Загадка гения», посвященном биографии русского поэта, на конкретных жизненных фактах, а также письмах поэта, воспоминаний о нем его современников, обосновывается идея о доминировании в его художественном сознании представления о судьбе как высшей силе. В частности, П.Уляшев доказывает, что две дуэли поэта, а также участие в военных экспедициях на Кавказе, где Лермонтов рисковал быть убитым в сражениях и стычках, – все это дает основание говорить «об особом стремлении испытать судьбу или какие-то острые ощущения» [4: 8].

Интересный взгляд на данную проблему находим в известной работе Ю.Лотмана ««Фаталист» и проблема Востока и Запада в творчестве Лермонтова». Лотман, опираясь на известные «восточные» произведения Лермонтова («Три пальмы», «Ашик-Кериб», главы «Фаталист» и «Бэла»), обнаруживает в их содержании проявление восточной и западной психологии героев. На примере данных произведений он обосновывает типологию культур в произведениях Лермонтова, при этом определяющей чертой «филологии Востока» для Лермонтова становится именно фатализм. По мнению Лотмана, «два полюса романтического сознания – гипертрофированная личность и столь же гипертрофированная безличность – распределяются между Западом и Востоком» [5: 222].

Особый характер мироустройства в произведениях Лермонтова подробно рассматривается в работе Е.В.Красиковой «Концепт «судьба» в космологии М.Ю.Лермонтова». В ней автор большое внимание уделяет восприятию Лермонтовым мира космоса, неба, с одной стороны, и земли, с другой. Идея же судьбы как основополагающая в большинстве произведений Лермон-

това раскрывается с разных сторон, образуя своеобразную философскую иерархию. Это и представление о роке как жесткой детерминированности всего происходящего с человеком, и игре случая, и действию рационального закона природы. «Лишь харизматические герои Лермонтова (Мцыри, Печорин), – пишет исследователь, – способны на равных, как им представляется, «вести диалог с судьбой», соперничать с ней, противостоять воли неба» [6: 109].

Таким образом, главные исследования, посвященные проблеме Востока в творчестве Лермонтова, а также особенностям его религиозного сознания, указывают на доминирование в художественном творчестве Лермонтова ведущего концепта – концепта судьбы.

Интересно отметить, что в исследовательской литературе сложились самые разные взгляды на судьбу. Считается, что этимология слова «судьба» в индоевропейских языках тесно связывает это слово с лексемой «смерть», а также со словом, истолкованием [7: 116-121]¹. Н.Д.Арутюнова в работе «Истина и судьба», выявляя смысловое многообразие этого концепта, обосновывает доминирующую позицию судьбы над понятиями «рок», «фатум», «фортуна». «Рок, фатум, фортуна ассоциируются с точками, поворотными пунктами в судьбе; *удел, доля* – с количественным параметром жизни (имением): обычно дефицитом благ и избытком бед» [8: 314]. Кроме того, судьба, в отличие от рока, может представать в разных моделях: Судьба Распределяющая, Судьба Играющая, Судьба Правосудная, Судьба Режиссирующая и т.п.

По сравнению с близкими судьбе понятиями – рок, фатум, доля – судьба линейна, подобно жизни, и именно благодаря этому качеству она обладает текстообразующим потенциалом.

¹ Г.Яворская в своей работе «О семантических параллелях в индоевропейских наименованиях судьбы» утверждает, что в индоевропейский период «существовало обозначение смерти как неотвратимого рока, смерть рассматривалась как «предопределенное заранее несчастье, постигающее человека» [7: 117]. Другой семантический аспект, имеющий архаическую природу, – связь судьбы со словом и истолкованием. Как считает исследователь, латинское слово *fatum* надежно фиксирует переход от значения «говорить» к значению «рок», «судьба». Данное слово по форме связано с субстантивированным причастием *for, far* «говорить», с которым в свою очередь, связаны производные фабула «рассказ, предание; вымысел» [7: 119]. Этимология слова «рок» связана с реку/речь, с глаголами говорения. Однако «существует мнение, что значение судьбы в данном случае происходит непосредственно от «говорить», но от значения «срок», т.е. «назначенное судьбой время» [7: 120].

В творчестве Лермонтова, как известно, взгляды на судьбу складывались в романтическом ключе, что подтверждает достаточно большой ряд его поэтических произведений. Действительно, лирический герой Лермонтова, обладая большой силой индивидуальности, чаще всего бросает вызов враждебной судьбе, безнадежно вступая в борьбу с ней. Такой характер противостояния достаточно легко вписывает Лермонтова в общеромантический контекст, а также традиции западного мировосприятия, основанного, как известно, на разделении субъективного и объективного (в частности, личности и судьбы).

Вместе с тем в своей работе мы исходим из идеи о том, что концепт *судьбы*, пронизывающий все творчество поэта, во многом соотносится и с теми взглядами на нее, которые сложились на мусульманском Востоке, усиливая в поэтическом мышлении Лермонтова черты восточного мироощущения.

Для конкретизации сказанного вначале рассмотрим те стороны концепта *судьбы* в поэзии Лермонтова, которые определяют его основное содержание.

1. Судьба – обманщица, она коварна и мстительна, судьба способна нарушить задуманные планы и замыслы человека («В альбом Д.Ивановой», «1831 июня 11 дня», «Отрывок»). Интересно отметить, что в поэзии Лермонтова *судьба* часто противостоит *душе*. Если душа представляет собой продолжение самого человека, то судьба противостоит душе, нанося удар по самым разным сторонам внутренней жизни героя. Проиллюстрируем сказанное отрывками из произведений Лермонтова:

*Хотя я судьбой на заре моих дней,
О южные горы, отторгнут от вас,
Чтоб вечно их помнить, там надо быть раз:
Как сладкую песню отчизны моей,
Люблю я Кавказ («Кавказ»)² [9: 36].*

*Под ношей бытия не устает
И не хладеет гордая душа;
Судьба ее так скоро не уберет,
А лишь взбунтует; мщением дыша («1831 июня
11 дня») [9: 75].*

*Когда судьба тебя захочет обмануть
И мир печалить сердце станет –
Ты не забудь на этот лист взглянуть
И думай: тот, чья ныне страждет грудь,
Не опечалит, не обманет («В альбом
Д.Ф.Ивановой») [9: 126].*

² Здесь и далее в тексте статьи курсив наш – А.Х.

Я знаю: никогда любовь
Геройский меч не презирала,
Но если б даже ты желала...
Мой друг, я должен видеть кровь!

Верь: для меня ничто угрозы
Судьбы коварной и слепой («Ангел смерти. Вос-
точная повесть») [9: 315].

2. Судьба, являя собою большую силу, возникает *извне*, при этом Лермонтов не связывает ее с миром Неба, лишает ее идеи Бога и божественного происхождения. Согласно космологии Лермонтова, мир Неба порождает духовное и гармоничное начало в человеческой душе, судьба же, напротив, разрушает гармонию в душе героя, превращая жизнь в цепь испытаний, тревог, страдания. Наиболее полно данный концепт раскрывается в стихотворениях «Тучи», «Унылый колокола звон», «Песня», «Ужасная судьба отца и сына», «Стансы», «Смерть поэта», «Время сердцу быть в покое», «Послушай, быть может, когда мы покинем...», в поэмах «Ангел» и «Измаил-бей».

3. Судьба *естественно* вплетена в человеческое сознание, она неотъемлемая часть повседневной жизни человека. Любовь, дружба, рождение и смерть – самые разные грани человеческого бытия отмечены печатью судьбы. Как правило, судьба вносит значительные, неожиданные и часто трагические изменения в жизнь лермонтовского героя, однако он верит, что она пощадит его и дарует ему счастье. Можно утверждать, что судьба представляет собой вполне естественную, объективно возникающую силу, которая, по мнению поэта, способна направить его героя к верным мыслям, решениям, открытиям. В судьбе заключается Высшая мудрость, которая способна спасти человека от бед («Никто моим словам не внемлет...», «Н.Н.Арсеньеву»), что ярко отражается в следующем фрагменте:

Дай бог, чтоб ты не соблазнялся
Приманкой сладкой бытия,
Чтоб дух твой в небо не умчался,
Чтоб не иссякла плоть твоя;
Пусть покровительство судьбины
Повсюду будет над тобой,

Чтоб ум твой не вскружили вины
И взор красавицы молодой; («Н.Н.Арсеньеву») [9: 227].

Необходимо отметить, что выделенные выше аспекты концепта «судьба» в целом вполне соотносятся с теми представлениями о ней, которые сложились в философии и литературе арабо-мусульманского Востока. Мы полагаем, что основы художественного мышления Лермонтова

граничили с главными концептами культуры Востока, среди которых центральное место занимал концепт судьбы. Именно в этом большом внимании к судьбе, естественно вплетенной в человеческую жизнь, сознание Лермонтова типологично сознанию людей восточной культуры.

Так, мотив *жестокости* судьбы, представление о том, что судьба способна проявлять коварство по отношению к человеку, является устойчивым мотивом во многих литературах, связанных с традициями Востока. Несомненно, наиболее ярко он нашел отражение в арабской и персидской литературах в средние века, которые полнее всего иллюстрировали идеи Корана, раскрывая сущность исламского мировосприятия в целом.

Известно, что поэт на арабо-мусульманском Востоке так же, как западный поэт, хранил в своем сердце желания, мечты, стремление к свободе, однако представление о последнем приобретало здесь совершенно иное содержание. Л.Масиньон в своей работе «Методы художественного выражения у мусульманских народов» писал по этому поводу следующее: «[восточный] поэт избегает покорности судьбе ради мечты о некоей свободе, почти божественной, но *не пытается ею воспользоваться*, когда она ему ниспослана, если так можно выразиться» [11: 59]. Таким образом, мотив судьбы в сознании восточного поэта почти всегда приобретает характер заданности: судьба, Рок – это то, что объективно входит в человеческое бытие и возникает по воле Бога. При этом представление о том, что человек может пасть жертвой судьбы и оказаться во власти Промысла (кадар), достаточно хорошо разработано в теологических и суфийских концепциях. Например, образ Садовника, часто возникающий в восточной поэзии (Низами, Хайям, Саади) и изобразительном искусстве (искусстве миниатюры), олицетворял собой идею быстротечности времени и коварства судьбы [12: 91-110].

Как отмечалось выше, наиболее ярко мотив смирения с судьбой, а также ее жестокости и непредсказуемости звучит в восточной арабской и персидской поэзии в средние века. К примеру, в известной газели Саади «О, караванщик, сдержи верблюдов», которая является одним из основных произведений в творчестве Саади, поэт создает образ страдающего от рук судьбы лирического героя. Глубоко переживая разлуку с Возлюбленной, воплощающей собой образ Всевышнего (образ возлюбленной в суфийской поэзии олицетворял Бога, его величие и красоту), лирический герой проходит испытания жестокостью любимой (Бога), т.к. она уходит вместе с караваном

ном, покидая его навсегда. Обратимся к небольшому фрагменту газели.

Бейт 13. «[Ты скажешь]: «Саади, тебе не подobaет стонать из-за нас». О, неверная // Я не перенесу жестокости. Что стоны рядом с моей участью!» [13: 79]. Как считает Н.Челисова, исследователь данной газели Саади, «Я не перенесу, не в силах перенести жестокость» – это последнее переживание лирического героя. «Жестокость» (джафа) также имеет суфийское толкование – это лишение сердца путника возможности созерцать красоту ради испытания его.< ...> Кроме того, жестокость и насилие – проявление судьбы [13: 79].

Таким образом, в данном бейте, как и в целом в газели Саади, мотив любви граничит с мотивом жестокости судьбы, с которой, тем не менее, смиряется лирический герой: когда возлюбленная удаляется, «жизнь героя подтачивает не только рана в груди, но и отравка одиночества» [13: 73]. Та же идея покорности судьбе как ключевая в восточной поэзии, подтверждается в исследовании А.М.Шиммель «Мир исламского мистицизма» [14: 111].

Идея покорности судьбе, идущей от воли Творца, разрабатывалась и в татарской романтической поэзии начала XX века. Известно, что татарская литература этого времени достаточно полно впитала в себя поэтику, художественные и религиозные традиции литератур Востока, во многом отталкиваясь от этого опыта. Однако здесь она также приобрела иное, просветительское содержание, связанное с размышлениями не о личной (индивидуальной) судьбе поэта, а о судьбе и будущем всего татарского народа, нации целом. В частности, именно в такой интерпретации концепт судьбы находит отражение в лирике Г.Тукая («Тээссер» – «Впечатление», «Яшьләр» – «Молодежь», «Өзелгән өмид» – «Разбитая надежда») и Дердеменда («Кораб» – «Корабль», «Бүзләрем мана алмадым» - «Я не соткал белой ткани»).

Вместе с тем следует видеть различие между тем толкованием судьбы, которое характерно для татарского (шире – восточного сознания), и того содержания, которое развивается в поэзии Лермонтова. Речь идет о том, что судьба, а также иные ее вариации – рок, фатум, предопределение – почти полностью лишаются у Лермонтова божественного происхождения. Поэт словно «освобождает» судьбу от вмешательства Бога, Творца, т.к. она объективная составляющая человеческого бытия и естественным образом вплетена в жизнь. Судьба, а также рок, фатум, согласно убеждениям Лермонтова, не связаны с миром Неба: Небо в космологии поэта наполнено

духовным, гармоничным содержанием, это мир света, гармонии, счастья, судьба же разрушает эту гармонию.

Лермонтов как поэт иного, не восточного, происхождения стремится испытать судьбу, преодолеть ее воздействие на мечты. Такая черта мировосприятия позволяет утверждать, что в вопросах толкования судьбы Лермонтов видится более западным автором, противопоставляющим себя и свою волю судьбе. Наиболее ярко эта черта мышления раскрывается в стихотворениях «1831 июня 11 дня», «Унылый колокола звон», «К другу» и многих других. Так, в стихотворении «К другу» лирический герой утверждает свою волю в борьбе с судьбой, тая в своем сердце месть.

*Навек мы с ней разлучены судьбою,
Я победить жестокость не умел.
Но я ношу отказ и месть с собою;
Но я в любви моей закоренел [9: 31].*

Таким образом, в поэзии Лермонтова развивается тот уникальный романтический тип мышления героя, в котором обнаруживается особый диалог между традициями Запада и Востока. Представление о судьбе как важнейшей составляющей человеческого бытия своеобразно сочетается здесь с протестом против нее. Именно эта особенность художественного сознания поэта отразила, с одной стороны, онтологическую близость Лермонтова к Востоку, но, с другой, указала на расхождение творчества Лермонтова с ключевыми понятиями и концепциями восточной культуры.

1. *Гальцева Р.А.* Мотивы // Лермонтовская энциклопедия. – М.: Сов. энц-ия, 1981. – С.311 – 312.
2. *Степанов М.* Религия русских писателей (Религия М.Ю.Лермонтова) // Филологические записки. Выпуск II. Воронеж: Типо-литография Губерн. Правления, 1915. – С.158 – 186.
3. *Конвалова А.Е.* Тема Рока в кавказских поэмах Лермонтова // Литературоведческий журнал. – 2006. – № 20. – С.16 – 25.
4. *Уляшев П.* Загадка гения (М.Ю. Лермонтов). – М.: Знание, 1989. – 64 с.
5. *Лотман Ю.М.* В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь: Кн. для учителя. М.: Просвещение, 1988. – С.218 – 234.
6. *Красикова Е.* Концепт «Судьба» в космологии М.Лермонтова // Вестник Московского ун-та. Серия 9. Филология. – 2004. – №5. – С.104 – 112.
7. *Яворская Г.М.* О семантических параллелях в индоевропейских наименованиях судьбы // Понятие судьбы в контексте разных культур / Научный совет по истории мировой культуры. – М.: Наука, 1994. – С.116 – 121.

8. Арутюнова Н.Д. Истина и судьба // Понятие судьбы в контексте разных культур / Научный совет по истории мировой культуры. – М.: Наука, 1994. – С.302 – 315.
9. Лермонтов М.Ю. Сочинения: В 2-х т. – Т.1 – М.: Правда, 1988. – 719 с.
10. Пиотровский М.Б. Ислам и судьба // Понятие судьбы в контексте разных культур / Научный совет по истории мировой культуры. – М.: Наука, 1994. – С.92 – 97.
11. Масиньон Л. Методы художественного выражения у мусульманских народов // Арабская средневековая культура и литература: Сб.ст. заруб. авторов. – М.: Наука, 1978. – С.59.
12. Шукуров Ш. «Охота за смыслом» в искусстве Ирана // Сад одного цветка: Сб. ст. и эссе. – М.: Наука, 1991. – С.91 – 110.
13. Челисова Н.Ю. Караван // Сад одного цветка: Сб. ст. и эссе. – М.: Наука, 1991. – С.64 – 80.
14. Шиммель А.М. Мир исламского мистицизма. – М.: «Алетейя», «Энигма», 2000. – 415 с.

THE FRAMEWORK OF M.LERMONTOV'S ARTISTIC THOUGHT AND THE EAST

A.Z.Habibullina

The article examines the framework of M. Lermontov's artistic thought and his connections with the East. The key issue of the study is the concept of destiny which is the most important cultural concept, examined in the article by means of comparative study. It is proved that the concept of destiny in M. Lermontov's poetry bears ontological similarities to its variations *doom, fate, smb.'s lot*, which have emerged in Eastern philosophy and literature (Persian, Tatar). On the one hand, the poet's artistic thought represents his affinity for the East, on the other hand, it distinguishes Lermontov's creative work from the key ideas and concepts of the eastern world view and culture.

Key words: artistic thought, concept of destiny, eastern world view, dialogue.

* * * * *

Хабибуллина Алсу Зарифовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы и методики преподавания Института филологии и искусств.

E-mail: Alsu_Zarifovna@mail.ru

Поступила в редакцию 06.06.2013